УДК 37.014.543
5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

О.С. Петрова
Вологодский государственный университет,
Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО СЕВЕРА В 1920–1930-Е ГОДЫ

Статья посвящена основным направлениям воспитательной деятельности на территории Русского Севера в 1920–1930-е годы, а также проблемам и трудностям, с которыми столкнулись регионы в условиях переходного периода. В этот исторический этап формируется государственная система воспитания, включающая идейно-политическое, эстетическое и трудовое направления.

Народное образование, беспризорность, Русский Север, воспитательная работа, внешкольные кружки, внеклассная работа.

Тема воспитания не рассматривается как отдельный объект исследования, а изучается в контексте анализа системы народного образования.

Актуальность подтверждается изменениями в Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающихся» [30]. «Это крайне необходимые вещи, подчеркивающие отношение нашей страны и государственной политики к духовно-нравственному воспитанию. Важно, что изменения усиливают воспитательную составляющую образовательного процесса, ведь образование – это воспитание и обучение, где воспитание находится на первом месте» [2], – прокомментировал Министр просвещения Сергей Кравцов.

Однако следует отметить, что воспитательная работа только сейчас стала внедряться в образовательный процесс. И задачи, которые стоят перед современными образовательными организациями, не сильно отличаются от тех, которые ставили перед собой организаторы этой деятельности в начале советского периода. Прежде всего, это формирование интереса к обучению. Для решения этих задач Н.К. Крупская предлагала развивать внешкольную работу с детьми, призывала добиваться того, «чтобы широко были открыты двери школьных и детских библиотек весь день, чтобы организовывались детские экскурсии, прогулки, надо шире развить катки, ледяные горки, лыжи... организовать детские певческие кружки, рисовальные кружки и т.д.» [23].

Региональный опыт воспитательной работы в 1920–1930-е годы представляет значительный интерес для выявления специфики и ключевых противоречий в процессе становления и развития советской системы воспитания, а также для анализа влияния местных условий на формирование новых педагогических практик и идеологических установок.

В 1920–1930-е годы на Русском Севере, в который входили Архангельская, Вологодская и Северо-Двинская губернии, как и в целом в СССР, воспитательная работа строилась на советских принципах и методах, отражавших идеологию и задачи того времени.

Вопросы организации воспитательной деятельности изучены недостаточно. Преобладали работы обобщающего характера, посвященные становлению системы народного образования в целом [4; 5; 6; 7; 22; 25; 29], поэтому источниковой базой являются в основном архивные материалы и периодическая печать.

В начале 1920-х годов система детских учреждений находилась на стадии формирования, в связи с этим важно отметить, что дошкольным воспитанием было охвачено лишь 8–10 % детей соответствующего возраста, тогда как сеть внешкольных учреждений была столь ограниченной, что обеспечивала охват не более 1,5 % детей школьного возраста [24].

Согласно архивным данным, в мае 1919 г. в Вологодскую губернию поступило постановление Совета народных комиссаров РСФСР, регулирующее передачу детских приютов с их помещениями и имуществом в ведение органов народного образования и предусматривающее создание в них специальных подотделов социального воспитания [13, л. 19].

Одним из самых серьезных последствий мировой и гражданской войн стало широкое распространение беспризорности среди детей и подростков. Согласно заметке из газеты Вологодской губернии «Красный Север»: «Огромные массы детей и подростков, потерявших родителей и родных, бродили по стране в поисках пропитания и жилья. Многие пополняли ряды грабителей, бандитов, убийц. В 1920-е гг. росту числа беспризорных и безнадзорных детей и подростков способствовали: низкий уровень жизни значительной части граждан, безработица взрослого населения и неспособность вследствие этого достойно содержать детей в семье» [1].

Небывалое распространение детской беспризорности, которая в масштабах страны к 1922 году достигла семи миллионов человек, стало серьезной проблемой [3].

В связи с передачей детских приютов в ведение органов народного образования, а также переходом школ к всеобщему охвату детей только с 1920 года, особое значение приобретает внешкольная работа.

В условиях, когда значительная часть детского населения остается неорганизованной, именно внешкольная деятельность становится наиболее доступным и эффективным средством их досуга. Она позволяет реально и массово вовлекать детей в полезную занятость и является важнейшим инструментом решения проблемы детской беспризорности.

В конце 1920-х гг. принимается ряд нормативных документов, направляющих внешкольную деятельность на решение проблемы беспризорности. В частности, это отражено в Постановлении Совета народных комиссаров РСФСР «О внешкольных мероприятиях по борьбе с хулиганством» от 25 июня 1927 года: «В планах деятельности народных комиссариатов просвещения автономных республик и местных отделов народного образования уделить особое внимание вопросам внешкольной работы с детьми и подростками, принимая меры к максимально возможному использованию для этой цели существующих культурных учреждений, привлечению к этой работе общественных сил и средств, к постепенному увеличению ассигнований на эту цель по местным бюджетам» [28].

В том же году Главсоцвос Наркомпроса в циркуляре, адресованном региональным органам народного образования, обозначил ключевые факторы распространения хулиганства среди несовершеннолетних: недостаточное вовлечение детей в систему общего и профессионального образования, слабую организацию внешкольной занятости, а также неблагоприятные условия семейного воспитания (пьянство, конфликты, аморальное поведение), формирующие асоциальное поведение [9].

В 1928 году была опубликована работа «В помощь организатору внешкольной работы среди детей: сборник директив и материалов», где подчеркивалось, что вопросы воспитания детей, особенно подростков, а также формирование у них устойчивых интересов и стремлений приобретают особую значимость. Для их решения необходимо не только участие государственных органов, но и активное вовлечение общественных организаций, а также широких слоев трудящихся. Работа должна вестись по двум направлениям: первое – усиление массовой систематической воспитательной деятельности среди детей всех возрастов (от дошкольников до подростков) через развитие сети детских комнат, клубов, площадок, мастерских и других форм внешкольной работы, а также через воспитательную деятельность в школе; второе – расширение массовой культурно-бытовой деятельности рабочих организаций и самого населения с особым вниманием к созданию разнообразных форм работы с детьми и подростками при рабочих клубах, в жилтовариществах и жилищных кооперативах [8].

В 1920–1930-е годы внешкольные учреждения Русского Севера активно занимались решением проблемы детской и подростковой безнадзорности, приоритетными направлениями которых считались: трудовое, антирелигиозное воспитание. Их деятельность опиралась на идеи Н.К. Крупской и А.В. Луначарского. Воспитание понималось как многогранный процесс, который охватывает идейно-политическую, нравственную, трудовую, эстетическую и физическую стороны развития личности [21].

Одним из способов решения беспризорности стало создание комплекса учреждений образовательного и воспитательного характера.

Самыми распространенными проблемами в таких учреждениях были отношения учеников с учителем и грубость по отношению к учителям. Ключевым комплексом, отражающим дисциплинарную сторону школьной жизни, является дело «О поведении учеников школ» [18], которое показывает, что дисциплинарные нарушения воспринимались не только как внутренняя школьная проблема, но и как социально значимое явление. Подобные материалы позволяют предполагать, что администрация и органы управления образованием внимательно фиксировали конфликты, проступки и различные формы неподчинения школьников. Уже сам факт ведения отдельного дела, посвященного именно поведению, свидетельствует о том, что дисциплина рассматривалась как самостоятельная область управления и контроля.

В составе школьных материалов сохранилась газетная вырезка под заголовком «Жизнь в Вологде. Бандитизм в школе» [19, л. 46], посвященная инциденту во время вечерних занятий в единой трудовой школе. Газетная статья дает яркий пример того, как школьные инциденты интерпретировались в публичном пространстве. В публикации описан эпизод, произошедший во время вечерних занятий с учащимися 6 класса единой трудовой школы, когда появился человек в маске, выкрикивающий антисоветские лозунги («Долой партию! Долой жидовство!»). Действия нарушителей в статье подаются в явно политизированной форме и связываются с контрреволюционным настроением. Ее включение в школьное дело показывает, что печать рассматривалась как часть воспитательного и информационного пространства раннесоветской школы. Подростковый проступок, конфликт или попытка сорвать собрание могли трактоваться не просто как дисциплинарное нарушение, а как вызов новой власти. В результате школа становилась пространством, где воспитание, надзор и политическая лояльность тесно переплетались.

Конечно же, решение всех проблем возлагалось на плечи учителя. В одной из статей журнала «Народное просвещение» объясняется это так, что «сила учителя – в знании, но и не в нем одном» (Там же).

Еще одной важной задачей, поставленной перед учителем, было антирелигиозное воспитание школьников. В архивных документах зафиксированы распоряжения учебных заведений о противодействии религиозному воспитанию как форме антисоветской деятельности. В частности, предписывалось исключить упоминания вероисповедания из официальных документов учащихся (аттестатов и свидетельств), запретить обсуждение этого вопроса на педагогических советах, упразднить должность законоучителя и удалить сведения о нем из списков педагогического состава [17].

Предпосылкой данной задачи было Постановление Совета народных комиссаров РСФСР от 11 декабря 1917 г. «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению» [27], согласно которому все церковно-приходские школы передавались в

ведение государства. По декрету Совета народных комиссаров РСФСР от 20 января 1918 г., школа отделялась от церкви [20]. Преподавание различных вероучений в учебных заведениях запрещалось.

В 1920-е гг. внешкольное образование фактически заменяется культурно-просветительной работой, которую проводят внешкольные учреждения. Основными формами организации внеурочной деятельности становятся клубы, станции, секции. Их активный рост наблюдается после образования в 1922 г. пионерской организации, когда встает задача создания не только ее штабов в школах, но и других внешкольных баз для работы с детьми для ограничения давления старой школы педагогов и более организованного идеологического воспитания. На этом фоне особенно показательно выглядят материалы об экскурсиях учащихся опытно-показательной школы II ступени имени III Интернационала. Уже сам статус школы – «опытно-показательная» – говорит о ее особой роли как площадки для апробации новых форм обучения и воспитания [16].

«Дневник экскурсии в Москву» учащихся IV группы показывает, что поездка рассматривалась не как развлечение, а как часть образовательного процесса. Судя по титульному листу, экскурсия проходила с 14 по 24 апреля 1921 г., то есть длилась более недели. Такой формат позволял сочетать осмотр города, посещение различных объектов и письменную фиксацию впечатлений самими школьниками (Там же, л. 124).

Не менее интересен текст «Наша экскурсия в г. Тотьму» (Там же, л. 386), датированный 21 апреля 1921 г. Он показывает, что экскурсионная практика включала не только поездки в столицу, но и знакомство с провинциальными центрами и производственными объектами. В связке с рукописным описанием процесса приготовления бумаги на фабрике «Сокол» этот источник позволяет увидеть стремление соединить школьное обучение с наблюдением за промышленным трудом.

Подобные материалы подтверждают политехническое образование. Экскурсии знакомили учеников с производством и городской инфраструктурой.

На основе отчета областного органа народного образования Архангельской области видно, что учащиеся школ активно участвовали в политической жизни: готовили и проводили мероприятия, связанные с выборами, митингами и встречами с депутатами (Там же). Большое внимание в школах уделялось проведению тематических дней, посвященных революционным датам: «дни красного календаря», «живые газеты» и т.д. (Там же). Такие мероприятия способствовали вовлечению школьников в идеологию нового социалистического государства.

К концу 30-х гг. XX в. одним из видов летней внеклассной и внешкольной занятости учеников СССР был сбор лекарственных трав. Из объявления: «Всем школам Вологодского края! На нашей территории произрастали в большом количестве травы и другие растения, обладающие лекарственными свойствами» [14, л. 26].

Сборник «Из опыта передовых учителей Архангельской области» [26] раскрывает практику работы сельских школ в 1930-х годах, показывая, как через кружки и специальные занятия учителя формировали у школьников практические умения в области естествознания и математики. В статье А.А. Попова описывается деятельность кружка юных натуралистов при одной из школ Архангельска, организованного в 1938 году. Работа кружка строилась по разделам: исследование флоры городской среды, наблюдение за животным миром, организация живого уголка.

К концу 1930-х гг. на территории Русского Севера складывается государственная система воспитания, которая включает в себя набор идейно-политического, эстетического, трудового направлений. Учреждения данного типа становятся центрами внешкольной работы, осуществляющими политико-идеологические цели.

В архивных источниках представлены годовые отчеты пионерских клубов, а также перечни внешкольных учреждений Архангельска и Архангельской области [10]. В данном отчете содержится подробная характеристика деятельности пионерских отрядов и школьных комсомольских организаций. В школах региона насчитывались тысячи пионеров, объединенных в отряды и дружины; вместе с тем в ряде сельских школ пионерские организации либо отсутствовали, либо существовали формально, что отмечалось как недостаток. Особо выделялись дружины, отличившиеся участием в областных и всесоюзных соревнованиях, а также активной деятельностью в кампаниях по сбору металлолома, макулатуры и оказанию помощи бедным и красноармейцам. Комсомольские организации в средних школах выступали как «организаторы социалистического соревнования» и поборники дисциплины, а также как опора педагогического коллектива в проведении массовых мероприятий. В отчете приводятся примеры школ, где комсомольские ячейки систематически руководили работой звеньев и пионерских отрядов, организовывали политкружки, агитпоходы, воскресники и лекции для родителей. Одновременно подчеркивается, что в ряде школ деятельность комсомольцев сводилась к формальному участию в отчетно-выборных собраниях, а борьба с прогулами, мелким хулиганством и другими проявлениями «мелкобуржуазной психологии» среди учащихся велась слабо.

Одним из ключевых направлений, отраженных в отчете внеклассной и внешкольной работы Архангельской области за 1939/1940 учебный год, является развитие школьных органов ученического самоуправления – ученических комитетов. Ученические комитеты брали на себя организацию дежурств по школе, контроль за посещаемостью и успеваемостью, проведение вечеров, вечеров-диспутов, «судов товарищей», а также участие в выпуске школьных стенгазет [11, л. 114].

В специальном разделе фиксируются и недостатки: ограниченность работы кругом «лучших» учеников, слабое вовлечение отстающих и «трудных» подростков, формальный характер отдельных поручений и недостаточное внимание к трудовому воспитанию. Тем не менее сам факт систематического упоминания ученических комитетов свидетельствует о стремлении органов народного образования развивать элементы коллективистского самоуправления в рамках совет-

ской школы, сочетая их с жестким идеологическим контролем [11, л. 117].

Наиболее объемный и фактический раздел отчета посвящен работе кружков внутри школы, в том числе предметных, художественных, технических и оборонно-спортивных. Документ содержит статистические таблицы, где по районам приводится число кружков по видам и количество учащихся, охваченных ими. Так, в одном из районов насчитывалось девяносто девять кружков с охватом более половины всех учащихся; среди них выделялись драматические, хоровые, кружки юных натуралистов, географические, кружки по физкультуре и спортивные секции. В другом районе отмечается высокий уровень охвата литературными и художественными кружками, а также кружками технического творчества (Там же, л. 118). К наиболее распространенным видам кружков относились драматические, хоровые, кружки художественного слова, изобразительного искусства, технические (авиамодельные, по конструированию, по работе с радиоаппаратурой), краеведческие и лесотехнические кружки. Отдельно подчеркивалась роль военно-спортивных и оборонных кружков, связанных с обществом ОСОАВИАХИМ и предшествующими ему структурами, – стрелковых, кружков юных красноармейцев, санитарных дружин. Организация таких кружков соответствовала установкам государства на военно-патриотическое воспитание молодежи в условиях гражданской войны, интервенции и последующей милитаризации общественной жизни.

Кружковая работа оценивалась не только по количественным показателям, но и по результатам участия школьников в смотрах, выставках и олимпиадах. В отчете приводятся примеры школ, где кружки технического творчества демонстрировали модели самолетов, тракторов и кораблей на районных и областных выставках, а художественные коллективы выступали на сценах домов культуры, сельских клубов и избы-читальни. В то же время констатируется отсутствие руководителей ряда кружков, слабая материальная база технических объединений, нехватка инструментов и наглядных пособий, а также недостаточная методическая подготовка педагогов.

В отчете отдельно рассматривается деятельность школьной печати. Отдельный блок отчета посвящен работе школьной печати и литературных кружков. В школах выпускали стенгазеты.

Архивные документы, хранящееся в фондах Архангельского областного отдела народного образования «Внешкольная работа (планы зимне-оздоровительных мероприятий) среди пионеров и школьников за 1939–1940 гг.» [12], позволяют восстановить содержание и механизмы проведения зимне-оздоровительных мероприятий среди пионеров и школьников региона. Архивное дело включает план проведения с перечнем мероприятий и сроками их исполнения, а также циркулярное письмо, в котором указана обязанность руководителей школ строго выполнять все мероприятия.

Таким образом, рассматриваемые архивные материалы позволяют реконструировать многоплановую систему внеурочной деятельности школ Русского Севера в 1920–1930-е годы. Документы свидетельствуют, что к началу второй пятилетки в регионе сложилась разветвленная сеть школьных и внешкольных кружков, охватывавшая значительную часть учащихся и включавшая художественные, технические, краеведческие и оборонно-спортивные объединения. Пионерские и комсомольские организации, ученические комитеты, школьная печать и смотры художественной самодеятельности образовывали целостный комплекс форм работы, направленных на идеологическое, трудовое и эстетическое воспитание детей в духе социализма.

Большое внимание уделялось организации досуга и обучающихся техникумов и институтов, главной целью которого было оградить их от влияния улицы или уменьшить это влияние, насколько возможно.

Политико-воспитательная деятельность занимала одно из центральных мест в системе работы педагогического института конца 1930-х гг., что подтверждается наличием в архивных материалах самостоятельного раздела «Политико-воспитательная работа» [15, л. 94]. В советской педагогической политике указанного периода воспитательная функция высшей школы рассматривалась как неотъемлемая часть подготовки учителя-специалиста, что находит прямое отражение в рассматриваемом документе.

В отчетных материалах подчеркивается, что политико-воспитательная работа ведется «по всем линиям» студенческой жизни, то есть охватывает как учебную, так и внеучебную деятельность обучающихся. Через эти структуры осуществлялось как коллективное влияние на студенческие группы, так и индивидуальная работа с отдельными обучающимися, в особенности с теми, кто имел отставание в учебе или допускал нарушения дисциплины. Тем самым партийные и комсомольские органы выступали связующим звеном между административным руководством института и студенческим коллективом.

Ключевая роль в политико-воспитательной работе института отводилась партийной и комсомольской организациям. В документе неоднократно акцентируется участие партийного и комсомольского активов в организации докладов, бесед, политических собраний и других форм идейно-политического воздействия на студенческую молодежь (Там же, л. 96).

В отчете упоминаются политические беседы, коллективные обсуждения текущих событий, доклады по вопросам внутренней и внешней политики, а также участие студентов в массовых политических и культурных мероприятиях города (Там же, л. 94).

Существенное место занимают кружки политического просвещения и студенческие научные объединения, создававшиеся при кафедрах и общественных организациях (Там же).

Отдельное внимание в документе уделено индивидуальной воспитательной работе. В отчете подчеркивается необходимость систематического наблюдения за посещаемостью занятий, успеваемостью, участием в общественной работе и повседневным поведением студентов. Для неуспевающих и дисциплинарно неблагополучных обучающихся предусматривались индивидуальные беседы, подключение к работе с ними комсомольских и профсоюзных организаций, а также обсуждение их поведения на собраниях групп и курсов (Там же).

Существенной составляющей воспитательной работы выступала массовая культурная и спортивная деятельность студентов. В других разделах отчета фиксируются многочисленные мероприятия: физкультурные праздники, соревнования, игровые и гимнастические секции, участие студенческих команд в городских и областных состязаниях [15, л. 94].

Несмотря на широту используемых форм, в отчете подчеркивается наличие «многих недостатков» в организации политико-воспитательной работы. Среди них указываются формализм отдельных мероприятий, недостаточная согласованность действий разных организаций, слабое использование возможностей учебного процесса для решения воспитательных задач и недостаточное внимание к систематическому самообразованию студентов (Там же, л. 95). Констатация подобных проблем сопровождается призывом к расширению инициативы преподавателей и студенческого актива, к усилению связи института с общественными организациями города и района, а также к развитию элементов студенческого самоуправления (Там же, л. 94, 96].

Исследование внешкольной и воспитательной деятельности на территории Русского Севера в 1920–1930-е годы позволяет говорить о формировании сложной системы воспитания, тесно связанной с задачами раннесоветского государства. На основе анализа архивных материалов и печатных источников можно констатировать, что воспитательная деятельность в регионе развивалась под мощным воздействием централизованных государственных инициатив и нормативных актов, которые с середины 1920-х годов все более четко направляли внешкольную работу на решение социально-педагогических задач, прежде всего борьбы с беспризорностью и хулиганством. Одновременно нормативные установки формировали жесткие идеологические рамки, в которых внешкольная деятельность рассматривалась как инструмент политико-воспитательного воздействия.

К 1930-м годам развилась разветвленная сеть внешкольных структур: клубы, станции, кружки, пионерские и комсомольские организации, ученические комитеты, школьная печать. Эти формы охватывали широкий спектр деятельности – трудовую, эстетическую, военно-патриотическую, краеведческую, техническую и природоведческую.

Особую роль играли кружковая и практическая (политехническая) деятельность, экскурсии и юннатская работа, что соответствовало общей задаче внедрения трудового начала в воспитание и привязки обучения к производству.

Приоритеты включали политико-идеологическое (агитация, митинги, «дни красного календаря»), антирелигиозное и трудовое воспитание; все они были направлены на формирование «нового социалистического человека». Учитель выступал проводником воспитания; источники фиксируют расширение его функций, включая дисциплинарные, политические и антирелигиозные.

Таким образом, региональный опыт воспитательной работы на Русском Севере 1920–1930-х гг. демонстрирует, как идеологические установки, социально-экономические вызовы и локальные документы взаимно формировали систему воспитания: она была одновременно инструментом общественного порядка (борьбы с беспризорностью), средством политического вовлечения и площадкой для апробации педагогических практик.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Красный север. – 1924. – 28 сентября.
2. Президент России подписал закон об укреплении воспитания в системе образования // Министерство просвещения Российской Федерации : сайт. – URL: https://edu.gov.ru/press/2758/odobreny-svyazannye-s-vospitaniem-izmeneniya-v-zakon-ob-obrazovanii-v-rossiyskoy-federacii/ (дата обращения: 13.04.2026). – Текст : электронный.
3. Вологда в годы новой экономической политики и перехода к плановой экономике (1920-е годы). – Текст : электронный // Насон – история города Вологды : сайт. – URL: https://nason.ru/ekonompolitika/ (дата обращения: 13.04.2026).
4. Арсентьевский, Д. А. Опытные станции Наркомпроса и их будущее / Д. А. Арсентьевский. – Москва, 1925. – С. 98.
5. Бендриков, А. Н. К десятилетию советской школы в СССР (из архива Октябрьской революции) / А. Н. Бендриков // Народное просвещение. – Москва, 1928. – № 7. – С. 95–108.
6. Богданов, И. М. Развитие школьной сети и всеобщее обучение за 30 лет Советской власти / И. М. Богданов // Начальная школа. – Москва, 1947. – № 8. – С. 27–38.
7. Бушманов, А. Ф. Народное образование в СССР к Пятнадцатой годовщине Октября... / А. Ф. Бушманов. – [Москва] : Учпедгиз, 1932. – С. 72.
8. В помощь организатору внешкольной работы среди детей : сборник директив и материалов. – Москва : Мосполиграф, 1928. – 90 с.
9. Внешкольная работа с детьми и подростками. – Москва ; Ленинград : Народный комиссариат просвещения РСФСР, Государственное издательство РСФСР, 1927. – 55 с.
10. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф 5247. Оп. 1. Д. 186.
11. ГААО. Ф 5247. Оп. 1. Д. 262.
12. ГААО. Ф 5247. Оп. 1. Д. 287.
13. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 111. Оп. 1. Д. 120.
14. ГАВО. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 4.
15. ГАВО. Ф. 2076. Оп. 1. Д. 214.
16. ГАВО. Ф. 4799. Оп. 1. Д. 2.
17. ГАВО. Ф. 4799. Оп. 1. Д. 194.
18. ГАВО. Ф. 4799. Оп. 1. Д. 215.
19. ГАВО. Ф. 4799. Оп. 1. Д. 259.
20. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января 1918 года» // Docs.cntd.ru – электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». – URL: https://docs.cntd.ru/document/9054838 (дата обращения: 13.04.2026). – Текст : электронный.
21. Калинин, А. Д. Народное образование в СССР / А. Д. Калинин ; Министерство просвещения СССР. – Москва : Педагогика, 1972. – 143 с.
22. Константинов, Н. А. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет / Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский. – Москва : Учпедгиз, 1948. – 472 с.
23. Крупская, Н. К. Непрерывная неделя и раскрепощение работницы / Н. К. Круская // Педагогические сочинения : в 6 томах. – Москва, 1980. – Т. 6. – С. 137.
24. Родин, А. Ф. Клубы для детей и подростков / А. Ф. Родин, В. Г. Марц. – Москва : Народный учитель, 1919. – 96 с.
25. Первушин, И. А. Народное образование в Вологодской области за годы сталинских пятилеток / И. А. Первушин,

С. К. Балдычев. – Вологда : Отдел пропаганды и агитации Вологодского обкома ВКП(б), 1939. – С. 8.

26. Попов, А. А. Из опыта передовых учителей Архангельской области / А. А. Попов ; Архангельский институт усовершенствования учителей ; [редактор: Н. Уланов]. – Архангельск : ОГИЗ, Архангельское областное издательство, 1941. – 66 с.

27. Постановление о передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению // Электронная библиотека исторических документов. – URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9738-11-24-dekabrya-postanovlenie-o-peredache-del avos-pitaniya-i-obrazovaniya-iz-duhovnogo-vedomstva-v-vedenie-narodnogo-komissariata-poprosvescheniyu (дата обращения: 13.04.2026). – Текст : электронный.

28. Постановление Совета народных комиссаров РСФСР о внешкольных мероприятиях по борьбе с хулиганством (от 25.06.1927) // Известия. – 1927. – № 158. – 14 июля.

29. Сборник руководящих материалов Наркомпроса РСФСР для заведующего (директора) школы и учителя. – Архангельск : Севкрайоно, 1935. – 48 с.

30. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» : Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ : принят Государственной Думой 22 июля 2020 г. : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310075?ysclid=l9pbj71vv6735819642 (дата обращения: 13.04.2026). – Текст : электронный.

O.S. Petrova

EDUCATIONAL ACTIVITIES IN THE RUSSIAN NORTH EDUCATIONAL SYSTEM IN THE 1920S–1930S

The article is devoted to the main directions of educational activities in the Russian North in the 1920s and 1930s, as well as the problems and difficulties the regions faced during the transition period. At that historical stage, the state educational system was formed, including ideological, political, aesthetic, and labor-based directions.

Public education, child homelessness, Russian North, educational work, extracurricular activities, extracurricular work.